Пусть Сорокопут примет вас в свою семью

Песнь Сорокопута

Фрэнсис Кель

Песнь Сорокопута

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К34

Иллюстрация на переплете *Дарьи Дмитриевой (Markass)*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Иллюстрации на форзаце и нахзаце *Кристины Деминой*

К34 **Кель, Фрэнсис.**
Песнь Сорокопута / Фрэнсис Кель. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-160575-9

Отец учил Готье тому, что каждый должен знать свое место в этом мире:

чистокровные правят, полукровки работают, низшие разрушают.

Джером с детства уяснил только одну истину:

чистокровные празднуют, полукровки прислуживают, низшие страдают.

Их миры могли бы никогда не столкнуться, если бы не Скэриэл.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160575-9

© Кель Ф., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Я кричал, тянулся к нему, но не мог приблизиться ни на дюйм.

На запястьях наручники; я прикован к ржавой трубе, по которой ползают мокрицы. Очертания подвала едва различимы в свете тусклой лампочки. Она часто мигает — вот-вот потухнет, оставив нас троих в темноте.

Джером прикован к трубе напротив меня, но он не кричал, не вырывался, словно уже смирился с неизбежным. На его лице безграничное отчаяние: брови надломлены, рот испуганно приоткрыт. Он немигающим взглядом смотрел на Скэриэла, как будто боялся, что если моргнёт — тот исчезнет.

— Скэриэл! Пожалуйста! — испуганно крикнул я ему и затем обратился к металлической двери: — Пожалуйста, кто-нибудь! Он умирает! Помогите!

Скэриэл лежал между нами с ножом в груди. Кровь медленно окрашивала грязный пол. В тусклом свете она сделалась практически чёрной. Или мне это только казалось.

— Пожалуйста… — промолвил я куда-то в сторону. — Спасите его…

Слёзы заливали глаза. Запястья саднило там, где серебристый металл натирал кожу.

Я вновь посмотрел на Скэриэла. Он не двигался, не издавал ни звука. Чёрная рукоять ножа торчала из тела. Его руки были скованы наручниками за спиной. Он лежал как тряпичная кукла посреди грязного подвала. Я не видел его лица, спрятанного под тёмными волосами. Мне так хотелось дотянуться до него, заправить прядь за ухо — его любимый жест.

— Всё кончено, — вдруг тихо произнёс Джером и впервые за всё время нашего пребывания в подвале поднял на меня сочувствующий взгляд. — Это конец.

I

— Господин Готье.

Я обернулся и увидел нашу новую горничную. Девушка-полукровка, на вид не старше семнадцати лет — кажется, её звали Лора, — стояла в дверях гостиной, опустив взгляд и сцепив руки в замок. Мимоходом я отметил, что она чудесно выглядит в чёрном форменном платье до колен и белом переднике. Было заметно, что Лора нервничала — кажется, сегодня она впервые обратилась ко мне по имени, хотя жила в нашем доме уже около месяца. Небольшой срок, но комната в домике для прислуги ей досталась хорошая, ведь она приходилась племянницей Сильвии, нашей домоправительнице.

— Господин Уильям просит вас в свой кабинет.

Я ничего не ответил. Она кивнула, словно я что-то ей поручил, и тихо ушла, так и не подняв на меня взгляда.

Прежде я не интересовался, кто занимается покупками, оформляет гостиную к праздникам, — принимал как должное, что три этажа нашего дома и участок

всегда в идеальном порядке, мои рубашки отглажены и висят в шкафу, дожидаясь своего часа, а в любое время дня и ночи я могу получить свежеиспечённый хлеб, горячий суп или говядину на гриле. И только недавно осознал, что вещи не самостоятельно возвращались на свои места после того, как Габриэлла, моя сестрёнка, раскидывала их во время игр; когда старший брат Гедеон в порыве гнева разносил половину дома (что случалось в последнее время довольно часто, особенно когда отцу приходилось надолго уезжать), спустя пару часов не по мановению волшебной палочки комнаты вновь обретали обычный вид. Лишь поведение непривычно тихой прислуги указывало на то, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Я слышал шёпот тут и там, но стоило мне войти в комнату, как они сразу замолкали и выглядели так, словно их поймали на продаже семейного фарфора.

Помню, как-то, когда мне было лет десять, из-за кошмара я проснулся рано утром. Пролежал полчаса и, не сумев уснуть, спустился вниз, чтобы выпить стакан воды, но на кухне внезапно столкнулся с Кэтрин и Фанни: сонные, они на автомате месили тесто для утреннего хлеба. Меня это удивило. Почему они не спят? Зачем готовят в такую рань? Мне довелось увидеть изнанку наших будней.

С тех пор я старался всегда наводить порядок в своей комнате, следить за чистотой, напоминать восьмилетней Габриэлле, чтобы она убирала за собой игрушки. А их, клянусь богом, было так много, словно мы целыми днями только и делали, что как безумные скупали содержимое магазинов игрушек. Детский хлам валялся и тут, и там. Все эти бесконечные куклы

с их одеждой и домиками, плюшевые медведи, рассыпанные по углам пазлы, которые Габриэлла если и собрала бы в цельную картину, то только к старости. Но самое кошмарное — маленькие и острые детали от «Лего». С виду мягкий, светлый ковёр в комнате сестры больше походил на заминированное поле. Я бы не решился туда зайти ни за какие деньги. А вот Скэриэлу, моему лучшему другу, нравились игрушки Габриэллы: он с удовольствием пил с ней чай из детского сервиза в окружении мягких зайцев и слонов, что бывало, к счастью, нечасто. Иногда она, наслушавшись отца, с детской непосредственностью обрушивала на Скэриэла град вопросов:

— Скэриэл, а вы полукровка? Как Сильвия и Лора? Мой папа говорит, что в Октавии у полукровок никогда не было таких же прав, как у чистокровных. Все полукровки должны работать на чистокровных. А вы тоже работаете? Вы были на Запретных землях? Это очень плохое место.

Но если успокоить Габриэллу мне под силу, то остановить разгневанного Гедеона я не мог и не пытался. Во мне ещё говорил инстинкт самосохранения. Гедеон старше меня на четыре года, но судя по нашим отношениям — на все сорок. Всегда сдержанный и тактичный, брат был подобен вулкану, копившему недовольство долгие годы, а затем извергавшемуся мощно, опасно, неудержимо, так, что лучше сразу поднять белый флаг и капитулировать. Мне всегда было стыдно за его порывы уничтожить всё вокруг всякий раз, когда он не справлялся со своим гневом. Не знаю, что чувствовал брат, но после своих выходок он не покидал комнату несколько дней. А потом сно-

ва появлялся всеми уважаемый и порядочный Гедеон Хитклиф собственной персоной. И так до следующего срыва.

Сильвия вставала ни свет ни заря и руководила всеми слугами, отвечающими за работу по дому: несколько женщин были ответственны за уборку, Кэтрин и Фанни — за кухню. Новенькая Лора выполняла простые поручения, училась всему — возможно, в будущем, лет через двадцать, она займёт место своей тёти.

Моего водителя Кевина можно было назвать везунчиком. Он отвозил меня в лицей утром и забирал после обеда. Больше я никуда на машине не выезжал. Мне всегда было интересно, чем занимается Кевин в свободное время, но, хоть он возил меня вот уже который год, мы так ни разу нормально не поговорили. Я знал, что он общительный человек, потому что, бывало, слышал его задорный голос во дворе. Он частенько любил поболтать с остальным персоналом. Но я никогда не задавал вопросов, а он никогда не начинал разговор первым. Так и ездили каждый день в гробовой тишине.

Я отложил в сторону книгу, которую читал. Если быть честным, то последние десять минут рассеянно водил глазами по тексту. Отвлёкшись на свои мысли, я упустил нить повествования задолго до появления Лоры. Обычно я всё время проводил в своей комнате: читал книги, играл в приставку, доставшуюся путём долгих и упорных переговоров с отцом, и делал домашнее задание. Бывало, я с головой уходил в придуманный мир, переживал за персонажей игр, книг или фильмов, забывал о семье, да что уж там, забы-

вал о том, что организму банально необходимо есть и спать, но, к счастью или нет, позволить себе такое я мог только на каникулах.

Отец нечасто приглашал меня в свой кабинет, и я готовился к худшему. Он мог опять начать разговор про Скэриэла. Я любил отца и был уверен, что он отвечает мне тем же, вот только он был против проявлений каких-либо чувств, пусть даже и отцовских. Не было никаких разговоров по душам (возможно, это и к лучшему; как только я представляю себе столь конфузную ситуацию — хочется аж на стену лезть), не было совместных походов в кино, в кафе, на стадион, чтобы поболеть за любимую команду — ничего такого мой отец не проделывал. Мы никогда не обсуждали что-либо дольше десяти минут.

Кабинет отца находился на третьем этаже и представлял собой личную библиотеку с широким письменным столом в центре. Я постучал в дверь и вошёл. Отец, высокий, статный мужчина с полностью седыми волосами, был занят документами. Выглядело всё так, будто я без приглашения ворвался к нему в разгар рабочего дня.

— Вы хотели меня видеть?

— Присядь, — кивнул он.

Я чувствовал, что разговор выйдет тяжёлым.

— Как твои дела в лицее? — не отрываясь от очередного документа, спросил отец.

Прекрасно — разве по моему табелю, который ты сейчас рассматриваешь, не видно? Я молчал. Не знал, что ответить на, казалось бы, такой простой вопрос. Он получал лист с моими оценками в конце каждой недели. Преподаватели докладывали ему обо

всех моих успехах и неудачах раньше, чем я возвращался домой. Иногда мне казалось, что я поступил в этот лицей, потому что у отца там повсюду глаза и уши.

Об этом я много думал в первые годы обучения. Всё время хотелось выкинуть какой-нибудь шокирующий номер, не прямо чтобы довести отца до инфаркта, но показать, что я тоже могу выйти из-под его контроля, однако все мои гениальные планы лопались, как воздушный шарик. В голове я прокручивал тысячи проделок, хотелось устроить что-то, чтобы доказать себе, что я могу пойти наперекор воле отца, ослушаться брата, открыто высказать своё мнение преподавателям, вступить в полемику с одноклассниками — много чего могу. Ведь я был в том возрасте, когда казалось, что море по колено.

— В следующем году ты поступаешь в Академию, готовься усерднее.

Я кивнул. Кажется, мои опасения не подтвердились и разговор обещал выйти лёгким, по крайней мере, сейчас отец выдавал прописные истины. Он отложил табель в сторону и посмотрел на меня. К этому оценивающему взгляду я привык. Меня бы больше выбило из колеи, возьми он меня за руку и произнеси что-то по-отцовски трогательное, ну, знаете, что-то в стиле: «Сынок, видел твои оценки, ай да молодец, весь в меня», — вытирая при этом скупую слезу. Я бы рухнул в обморок.

Я сидел ровно, как меня учили. Осанка, взгляд обращён на собеседника, спокойствие, сосредоточенность, ровный голос, еле заметная улыбка, руки раскрыты — не зажимайся, Готье.

— Ты помнишь про наставников? Тебе нужно будет выбрать наставника из старшекурсников.

Да, наставники. Как я мог забыть, мне ведь напоминали об этом… хм, как минимум двадцать раз в неделю. Постоянно вылетает из головы!

В следующем году, когда я стану первокурсником Академии Святых и Великих, ко мне приставят наставника, который будет отвечать за меня. Симбиоз юных и зрелых умов. Опыт против неискушённости. Так было написано в буклете. На деле всё выглядело прозаично до слёз. Старшекурсник поможет мне с адаптацией, поделится советами по поводу обучения в Академии. Благодаря этому я успешно сдам теорию с практикой, и в результате старшекурсник получит баллы за мои старания. И мы с ним, держась за ручку, прыгаем по зелёному лугу, заливисто смеясь, а радуга переливается над нашими головами.

Меня передёрнуло.

— Не хочешь наставника? — усмехнулся отец. — Ты можешь попросить Оскара.

Оскар Вотермил. Старший сын папиного лучшего друга. Мистер Вотермил владеет сетью фабрик по производству элитного алкоголя. Король крепких напитков. Мистер десятибалльное похмелье. В детстве Оскар с Гедеоном дружили, но после непонятной ссоры Гедеон разговаривает с ним сквозь зубы. Каждый раз, когда Оскар бывал у нас в гостях по случаю очередного официального банкета, Гедеон обращался с ним как с заклятым врагом. Клянусь, мне каждый раз казалось, что вот-вот произойдёт извержение вулкана в лице моего старшего брата и среди первых погибших будет числиться Оскар Вотермил.

Я думал, что Оскар может стать моим наставником, только если я окончательно рехнусь и захочу сжечь все хрупкие мосты братских чувств между собой и Гедеоном. Если придёт тот день, когда я и Оскар будем заливисто смеяться и бегать по лугу под ручку, то он станет последним в наших жизнях. Не удивлюсь, если Гедеон пристрелит нас обоих. Двух зайцев разом. Вот удача, да?

— Я подумаю над этим, — выдавил я после того, как понял, что нужно хоть что-то ответить.

Отец взялся за новую стопку документов и продолжил:

— Или ты можешь попросить брата стать твоим наставником, он как раз будет на последнем курсе. Это оптимальный вариант для вас обоих. Гедеону тоже нужно выбрать первокурсника.

Проще сразу броситься под горячую руку Гедеона, когда он не в духе, чем весь следующий учебный год жить как на пороховой бочке. Взорвётся сейчас или через секунду? Успею ли я выпить стакан сока, или он запустит в меня своей чашкой раньше? Не помню, когда в последний раз мы с ним полноценно разговаривали. Я мог бы драматично заметить, что забыл, как звучит его голос, но по утрам слышал это сдержанное: «Доброе утро, отец. Вы видели сегодняшние финансовые сводки?» Он учтиво обращался к другим в доме: «Габриэлла, будь так любезна, допей сок», «Сильвия, не приготовите ли вы нам на ужин своё коронное блюдо? Да, то самое, запечённого гуся». При этом избегал меня, будто любое взаимодействие между нами могло привести к ужасающим последствиям.

— Я подумаю.

— Хорошо, — кивнул отец. — Ступай.

Это всё? Неужели он отпустил меня так просто? Наверное, на моём лице отразился весь спектр положительных эмоций, а это редкость. Я так подскочил, что сам себя одёрнул. Когда выходил из кабинета, отец окликнул меня. Прикусив язык, я изобразил ангельское смирение и повернулся к нему.

— Где ты был ночью? Сильвия говорит, что видела кого-то во дворе под твоими окнами, — настойчиво произнёс он, при этом не отвлекаясь от документов.

Почему трудолюбивая и зоркая Сильвия не спит по ночам? Ей вставать рано, а годы-то уже не те. И, кажется, кое-кому, кто слишком шумел, пока добирался до моих окон, стоило оторвать ноги.

— Я спал, отец. — Отчасти это была правда: я спал, пока Скэриэл Лоу не заявился среди ночи.

— К тебе по ночам ведь не наведывается тот дружок-полукровка? Будь ты девушкой, я бы уже переживал, не принесёшь ли ты мне бастарда в подоле.

«Дружок» — как противно звучало это слово. Я изобразил оскорблённую невинность. Как он мог такое обо мне подумать?! Будь я девушкой, не подпустил бы Скэриэла и на пушечный выстрел. Но волнения отца можно понять. Скэр производил впечатление, мягко говоря, сомнительной личности. А если начистоту, то, как сказала Кэтрин, одна из наших кухарок, когда я случайно подслушал её разговор с Лорой: «Тот парень из семьи Лоу выглядит так, словно пришёл обчистить дом и насрать под дверью».

Весь разговор по душам с отцом занял от силы пять минут, и я бы даже сказал, что вышел он достаточно многословным. Бывали дни, когда за всю бесе-

ду мне удавалось под конец произнести только одну фразу: «Я всё понял, могу ли я идти?»

Из этих пяти минут мне пришлось усвоить многое: отец хочет, чтобы я поскорее определился с наставником, и это могут быть только Оскар или Гедеон. Других претендентов отец не рассматривает. Он в очередной раз напомнил, что я должен больше времени посвящать учёбе и подготовке, потому что поступить в Академию Святых и Великих (Скэр называл её Академией Жалких Грешников) очень сложно. В конце весны я должен сдать все экзамены на двенадцать баллов и подтвердить средний уровень тёмной материи. Больше всего меня пугала работа с тёмной материей. Я едва владел ею на достаточном для поступления уровне.

И последнее — отец недоволен моей дружбой со Скэриэлом Лоу. И тем более его ночными визитами, что совсем неудивительно.

Я спустился в гостиную и забрал оставленную на журнальном столике книгу. Больше всего на свете хотелось швырнуть её в камин. Но бросать что ни попадя в пламя — это прерогатива брата. Сколько стоящих вещей погибало в огне, попав под горячую руку Гедеона. Я не был зависим от побрякушек, не питал нежных чувств к материальным ценностям, хотя, соглашусь, что, выкинь он мои любимые книги или игры, я бы очень расстроился. Но Гедеон с такой злостью швырял фарфоровые статуэтки, расписные вазы, картины известных и не очень художников, диванные подушки — я уже не говорю о таких мелочах, как книги, которые ему подвернулись в гневе, — что становилось просто жаль все эти вещи. Я не мог простить

ему только одного — когда брат уничтожал вазу или картину, связанные с мамой.

Нахмурившись, я посмотрел на книгу, в которой не мог осилить и двухсот страниц: текст состоял из нудного и, что хуже всего, детального перечисления всех исторических событий, начиная с девятнадцатого века. Прочитать книгу и написать эссе было домашним заданием по Истории тёмных сил. Если бы я не боялся плохой оценки — или, скорее, реакции отца на плохую оценку, — моё эссе могло бы выглядеть так: «Я героически прочёл первые двести страниц, а из оставшихся трёхсот сложил оригами. Представляю вашему вниманию моих бумажных собачек и лягушек». Но это больше в духе Скэриэла.

Мне нужно было подняться к себе в комнату и сесть за уроки, но я оттягивал этот момент как мог. Вдруг резко захотелось перекусить. Или переодеться. А может, сходить в душ. Или покормить рыбок Гедеона. Они давно жили у брата, и как за всё время аквариум ещё ни разу не был перевёрнут, а если рыбки умирали, то естественной смертью (а не оттого, что Гедеон, например, великодушно угостил их пудом соли), — никак не укладывалось у меня в голове. Нет, рыбки — это уже на крайний случай. Я мог бы их покормить перед экзаменами. И тогда готовиться к концу учебного года мне пришлось бы в отделении реанимации и интенсивной терапии. Возможно, лицей сделал бы мне поблажку, так как писать тесты со сломанным позвоночником непросто, скажу я вам. Не то чтобы у меня был подобный опыт, но это бы точно вошло в перечень уважительных причин.

Я остановился на перекусе. Фанни на кухне собиралась приняться за ужин; она с радостью согласилась приготовить сэндвич, когда я сказал, что проголодался (если честно, я планировал приготовить сам, но мне попросту не дали это сделать). Трапеза заняла не больше десяти минут.

— Господин Готье, что это вы удумали? — Она без церемоний отобрала тарелку. — Идите, я сама помою.

Так был зарублен на корню благородный порыв помочь прислуге и оттянуть время. Поднимался я к себе как на эшафот, медленно плёлся по ступенькам с лицом мученика, осознавшего, что впереди его ждёт неизбежный ужас в виде домашнего задания. Я учился в выпускном классе лицея. Этот год уже можно было назвать самым тяжёлым в моей жизни, хотя прошло только две недели.

— Господи. — Я вошёл в комнату и вздрогнул. На кровати, развалившись, Скэриэл читал мой ежедневник. Я мысленно похвалил себя за то, что ничего важного там не писал.

— Можно просто Скэриэл, — хмыкнул он. — У тебя на редкость скучный дневник.

Он лениво отбросил блокнот и посмотрел на меня взглядом «вы не оправдали моих ожиданий, мистер Хитклиф».

— Иди в жопу, — бросил я, усаживаясь рядом. Пришлось столкнуть его ноги, конечно же, он не снял кеды. — Это не личный дневник.

— Да я уже понял. Ожидал увидеть тут исписанные моим именем страницы, но здесь только расписание уроков и походов к стоматологу. Кто ведёт запись

приёмов к стоматологу, Готи? Чокнутая старушка, которая боится потерять последние зубы?

Я скинул его с кровати и показал средний палец. Растянувшись во весь рост — а он был выше меня на полголовы, — Скэриэл удобно улёгся на полу. Я отложил ежедневник на прикроватный столик. Блокнот этот мне подарил отец на пятнадцатилетие. Кто в здравом уме дарит такое подростку?!

Я изредка вёл его только потому, что это подарок отца. По телевизору как-то советовали завести настоящий личный дневник, если вам хочется высказаться, но некому. Например, я мог расписать там свои отношения с отцом, с братом, написать про маму, но в этом не было абсолютно никакого смысла. Я не хотел, чтобы дневник, который мог стать бомбой замедленного действия, попал в руки кого-нибудь из семьи. Проще держать всё в голове. Так безопаснее.

— Тяжёлый день? — Иногда Скэриэл вёл себя как мой психолог. Он подложил руку под голову и взглянул на меня.

— Благодаря тебе.

— Да ну? Я пришёл полчаса назад и что-то уже успел натворить? — Я слышал его довольный голос.

— Сильвия видела тебя ночью. Мне досталось от отца.

— Эта старая корова сдала меня. — Лоу попытался изобразить недовольство, но вышло очень наигранно. — Что сказал отец?

— Что мне не светит наследство, если я залечу до свадьбы. — Я выдал это расстроенным тихим голосом.

— Не волнуйся, я обязательно женюсь на тебе, — ответил Скэриэл в том же тоне.

Мы уставились друг на друга и рассмеялись. Мне весь день очень не хватало подобных шуток. Я кинул в него подушкой, и, конечно, он увернулся. В следующую секунду он набросился на меня с подушкой и начал душить, при этом смеясь как полоумный.

Каждый день мне приходилось сдерживать себя, следить за поведением, чтобы не ударить в грязь лицом. Постоянно находиться на виду у прислуги, одноклассников, преподавателей. Но самое сложное — быть на виду у отца и старшего брата. Они оба возлагали на меня большие надежды. Отец часто об этом говорил: ты должен быть лучше всех в лицее, ты должен успешно сдать экзамены, ты должен поступить в Академию Жалких Грешников — «Боже, Скэриэл!», — ты должен получить высокий уровень тёмной материи, ты должен то, должен сё.

Брат говорил редко, но своим поведением давал понять, что я не должен очернить его репутацию. Гедеон — первый на четвёртом курсе Академии, он превосходно владел тёмной материей и метил в политики. Уж очень он хотел попасть в Совет старейшин и работать среди действительно «достойных и великих». У Скэриэла на этот счёт было другое мнение, он называл членов Совета кучкой надменных стариканов, которые возомнили себя пупом земли и которые не видели жизни дальше своих хором.

За шестнадцать лет я ни разу не дал близким повода усомниться во мне. Я был послушным сыном, не доставлял проблем семье и делал всё, что от меня требовалось. Но с появлением в моей жизни Скэриэла я чувствовал, как скорлупа, которая сдерживала меня все эти годы, треснула. По отцу было видно, что он

недоволен этими изменениями. Он воспринимал мою дружбу с Лоу как небольшой недостаток, побочный эффект подросткового возраста; надеялся, что скоро я переболею этим, будто сейчас подцепил вирус.

Со Скэром мне не нужно было что-то из себя изображать. Он вырос за пределами города, там, где жили только полукровки и низшие, но он воспринимал нас как равных, не лебезил, не пытался мне угодить. И он ничего от меня не требовал и не ожидал. Я был рад, что он принимал меня таким, какой я есть.

II

Иногда Скэриэл пропадал на неделю и каждый раз объяснял это тем, что уезжал сдавать контрольные и проверочные в школе. Я не знал, что представляет из себя домашнее обучение, а потому у меня не было причин усомниться в его словах. В те дни, когда Скэр не заявлялся ко мне домой без приглашения днём или ночью — даже я сам долгое время привыкал к его внезапным визитам, — я усиленно занимался учёбой. На книги, по которым нужно было написать эссе, тесты по языкам, практические уроки по тёмной материи и масштабные проекты по истории уходило всё моё время.

Отец уехал в другую страну на конференцию — что-то связанное с глобализацией экономики и финансов. Уезжал он часто, поэтому я привык и не обращал на это внимания. Утопая в бесконечных рефератах, эссе, докладах, я даже не замечал смену времени суток. Если бы не Сильвия, напоминавшая мне о завтраке или ужине, я мог бы сидеть голодным в своей комнате несколько дней.

Гедеон с утра и до вечера был занят чёрт знает чем, но точно чем-то очень важным, раз вставал рано, а возвращался, когда я видел десятый сон. Иногда мне казалось, что он просто не хочет сидеть со мной за одним столом.

В доме оставались прислуга и мы с Габриэллой, увлечённой репетициями. Любовь к балету досталась ей от мамы. Та лично сопровождала Габи в балетную школу и после занятий мило беседовала с учителями. Мама посещала все выступления, даже если Габриэлла выходила на сцену на пару минут, чтобы станцевать десятого лебедя в пятом ряду с краю. Я видел только пять выступлений сестры; иногда болел, иногда был по уши в домашних заданиях, но чаще просто находил уважительные причины, чтобы избежать похода в балетную школу. Я не испытывал такого, как хотелось маме, восторга от выступлений Габи. Для меня это было очень скучное, в лучшем случае получасовое, в худшем — двухчасовое мельтешение маленьких девочек в воздушных платьицах. Я засыпал в первые десять минут и постоянно боялся, что упаду со своего места в проход. Мама всегда тактично и незаметно будила меня в кульминационные моменты: например, когда я почти сползал с неудобного сиденья, когда начинал говорить во сне, во время сольного танца первой ученицы или когда на сцене появлялась сестра. Если удача была не на моей стороне, рядом присаживался Гедеон, и тогда вместо мягкого прикосновения мамы я получал болезненный толчок локтем в бок и презрительный взгляд вдогонку.

Иногда мама устраивала вечеринки для родителей и девочек из балетной школы, чтобы Габи могла под-

держивать дружеские отношения с остальными ученицами.

— Грэйс, какой чудесный вечер, — ворковали другие мамочки.

Они обменивались приветствиями, обсуждали успехи дочерей и восторгались платьями друг друга, как будто прибыли из каменного века и в жизни не видели женской одежды. Все пили шампанское, смеялись и улыбались. Повсюду виднелись цветные воздушные шары, маленькие пирожные, разнообразные канапе и коктейли, от которых меня воротило.

Каждый раз я вспоминал эту балетную вакханалию с содроганием, стоило маме заговорить об очередной вечеринке после выступления. Сразу принимался лихорадочно подбирать вескую причину, чтобы улизнуть с этого праздника жизни, и, на удивление, у меня это выходило.

Отец очень любил маму и назвал нас всех в её честь: Гедеон, Готье, Габриэлла. Если бы я не был свидетелем того, как отец проявляет любовь к маме, не поверил бы ни единому слову. Он всегда называл её «дорогая» или «милая»; когда возвращался домой, целовал её в щёку, а уходя рано утром, просил Сильвию не открывать шторы в их комнате, чтобы Грэйс и дальше сладко спала. Он не выносил, когда мама допоздна ждала его с работы, если он задерживался в банке; жутко злился, когда она встречала его в аэропорту или на вокзале после командировки. «Грэйс, ты с ума сошла! Зачем приехала? Здесь так шумно! Лучше бы дома осталась». Он присылал пышные букеты цветов на каждый праздник, даже если этот праздник ни-

как не касался мамы. И он поддерживал все её затеи, вплоть до самых безумных, как, например, эти собрания после балетных выступлений.

В то время как отец почти не проявлял отцовских чувств ко мне или Гедеону, он компенсировал свою сухость, балуя маму и Габриэллу. Им любви доставалось с лихвой. Отец не стеснялся обнимать Габи, целовать её в лоб и внимательно слушать детский лепет. Обычно мы с Гедеоном, если нам случалось вместе застать эти телячьи нежности, изображали глухих и слепых, как будто не происходило перед нами что-то из разряда «необъяснимо, но факт». Если сюсюканье отца с Габи выходило из-под контроля (однажды они совсем позабыли о нас — отец поднял сестру на руки, и они принялись танцевать под мелодию, которую он фальшиво напевал), Гедеон смущённо кашлял в кулак, как бы давая понять, что ему очень не хочется присутствовать при этой сцене. В такие минуты я понимал, что чувствует брат, и где-то в глубине сердца теплилась надежда, что не такие уж мы и разные.

Мама.

Она заболела и умерла, когда Габи было шесть лет. За год мама из весёлой и энергичной женщины превратилась в немощную и замкнутую. Когда врачи сообщили, что ей осталось жить от силы неделю, отец начал проводить в её спальне всё свободное время. Габриэлла постоянно плакала, сделалась нервной и пугливой. Она могла проснуться среди ночи и побежать в комнату родителей, чтобы проверить, дышит ли мама. Гедеон учился на втором курсе Академии Святых и Великих. До сих пор не могу понять, как он успевал горевать по маме, успокаивать отца и сестру

и при этом оставаться первым по успеваемости. Иногда мне казалось, что нет силы, способной остановить его стремление попасть в Совет старейшин.

Я же просто не мог поверить в болезнь мамы и в неутешительные прогнозы врачей. Я застрял на стадии отрицания, Гедеон, кажется, не сдвинулся со стадии злости. Отец всегда предпочитал торги. Он надеялся, что откупится от болезни мамы, — постоянно искал лучших врачей, тратил все деньги на новейшие лекарства и медицинские технологии нового поколения. Отец привык решать все проблемы с помощью денег.

Мне было четырнадцать, когда мама умерла. В день похорон (это была большая траурная панихида) шёл проливной дождь, с севера дул порывистый ветер, словно сама природа не могла принять смерть Грэйс Хитклиф. В тот день я сломал два зонта, промок до нитки и затем полмесяца пролежал с температурой.

Я ничего не помню о похоронах, кроме ужасной погоды. Как будто подсознание пыталось защитить меня и стёрло всё плохое. Я не помню, что говорил священник, гости, что говорили отец или Гедеон. Пришёл в себя, только когда выздоровел и понял, что спальня мамы пустует. Её больше не было. Отец оставил всё в комнате нетронутым, но какое теперь это имело значение? Мама наполняла наш дом уютом. На смену уюту пришла тоска.

Я стал жалеть о каждой упущенной возможности провести время с ней. Она просила вернуться пораньше из лицея и помочь, но я не хотел и врал, что буду занят (таких случаев могло набраться с десяток).

Конечно, ей помогала прислуга, но теперь я понимал, что мама просто хотела побыть со мной. Она просила прийти на очередное выступление Габриэллы, а я говорил, что у меня полно уроков.

Она подарила мне на Рождество нелепый длинный шарф, который я мигом засунул в самую бездну шкафа. Я никогда не носил этот её подарок, и однажды мама сказала под конец зимы: «Милый, если тебе не понравился шарф, ты так и скажи, я не обижусь». До чего же это было гадко с моей стороны. Я мог хоть раз надеть этот шарф при ней! Голова б не отвалилась, а маме было бы приятно. Но теперь это всё в прошлом. Все мои сожаления так и останутся на моей совести.

Мамы не было с нами уже два года, и мы вернулись к обычной жизни: Габриэлла больше не психовала из-за балета (после тяжёлой утраты она вовсе не хотела заниматься танцами), отец не закрывал на ключ спальню мамы, а Гедеон забрал её рыбок к себе в комнату. Больше не было балетных вечеринок, праздничных букетов по утрам и нелепых подарков на Рождество.

Когда тоска по ней достигла апогея, в наш район переехал Скэриэл Лоу.

Это случилось через полгода после её смерти. По всем новостным каналам, на первых страницах ежедневных газет и по радио говорили о группировке «падальщиков», или «крыс». Так их окрестили журналисты. Группировка, состоящая из низших «носителей смерти», потрясла Октавию, нашу страну, убийствами. Раскрыть их было не так-то просто на протяжении многих лет. Носители, или переносчики, смерти имели

мощный иммунитет против многих заболеваний. Это давало им возможность продавать свои услуги и заниматься заказными убийствами. Так писали в газетах, но мне слабо верилось. Падальщики могли переносить вирусную пыль и заражать жертву. На чёрном рынке это был самый дорогой из представленных видов убийств. Отличить заказной вирус от обычного очень сложно, следовательно, доказать чью-то вину практически нереально. Когда я впервые об этом услышал, то за ужином спросил отца о группировке, но тот хмуро окинул меня взглядом и посоветовал не забивать себе голову сомнительной информацией.

В Октавии много опасных болезней, которыми чаще всего заражались низшие (в основном на Запретных землях), реже полукровки. До чистокровных болезни доходили через контакты с заражённым. Обычно чистокровные семьи жили в центре городов. Мы платим высокие налоги, чтобы полиция усиленно следила за безопасностью. Низших, которым удавалось забрести в наши районы, быстро отлавливали и доставляли в участки, где тем приходилось сидеть не одни сутки за нелегальное нахождение на чужой территории. Получить разрешение на проход в центр для низших — тот ещё квест. Я был уверен, что Центральный район в Ромусе, столице Октавии, защищён, но Скэриэл показал, как легко полукровки и низшие обходят законы, если это им нужно.

Полиция долгое время не могла выйти на след падальщиков. Не хватало доказательств, прокуроры метали гром и молнии, зверели на глазах. Масла в огонь подливали журналисты, с удовольствием пишущие о носителях смерти. Конечно, они не могли упустить

такой лакомый кусочек. Газеты и журналы пестрели самыми абсурдными заголовками.

«Падальщики работают на чистокровные семьи».

«К переносчикам смерти обращаются, чтобы избавиться от конкурентов в бизнесе и в политике».

«Главный прокурор Ромуса просит город успокоиться и уверяет, что падальщики — раздутая опасность».

Мама умерла от болезни, и журналисты стали писать о том, что Грэйс Хитклиф, жену директора государственного банка, могли убить переносчики смерти. Фотографии нашей семьи не сходили с первых страниц местных газет. Перед домом сутки напролёт дежурили папарацци в надежде урвать фотографию расстроенного отца или плачущей Габи. В основном преследовали отца и старшего брата, так как они чаще меня выходили на улицу. Габриэлла не могла ответить ни на один из жестоких вопросов и всё время плакала. Отец наказал Кевину не отпускать меня никуда и всегда быть рядом (как будто я вообще куда-то мог уйти один). Но однажды добрались и до меня.

Я отправился в Музей современного искусства, так как нужно было сдать эссе о влиянии искусства на человека. Я и так затянул с этим заданием, потому что никак не мог взяться за учебу после похорон. Лицей пошёл мне навстречу — очень неожиданный и щедрый подарок с их стороны — и разрешил сдавать домашние работы позже. Кевин не стал со мной заходить: «Простите, господин Готье, но от всего этого современного искусства меня тошнит, можно я вас подожду в машине?» Конечно, я согласился: во-первых, Кевин впервые что-то у меня попросил (я отмечу этот

день в календаре), во-вторых, я хотел не спеша в одиночестве пройтись по галерее.

Когда на улице стемнело, я вышел из музея. Это стало моей ошибкой, нужно было попросить Кевина зайти внутрь. В ту же секунду на меня налетел незнакомец. Это был невысокий, худой мужчина. Возможно, он ждал меня с самого начала, просто не мог подойти раньше из-за водителя. Я никогда прежде не видел его.

Журналист. Один из тех, кто поджидал отца или Гедеона у нашего дома. Он защёлкал фотоаппаратом со вспышкой, и меня ослепило. Встав на моём пути, мужчина торопливо заговорил, продолжая фотографировать.

— Мистер Хитклиф, как вы думаете, вашу маму могли заразить? У вашего отца были с кем-нибудь ссоры? Кого вы можете подозревать?

Я прикрыл глаза рукой, как будто это могло уберечь от вспышек (пару снимков моего удивлённого лица он всё же успел сделать), развернулся и забежал обратно в музей. Слава богу, журналиста не пустила охрана, преградив ему дорогу. Он продолжал, стоя у входа, громко кричать мне вслед: «Мистер Хитклиф, вы слышали что-нибудь о носителях смерти?! Ваше мнение на этот счёт?!»

Я был так ошарашен и испуган, что попятился. Это было моё первое близкое знакомство с папарацци. Я узнал о них из новостей о звёздах, когда наткнулся на музыкальный канал. Всё это казалось мне таким далёким. Звёзды, слежка, папарацци. Другой мир. И вот один из этих надоедливых репортёров подловил меня.

Успокоился я, только забежав за угол и скрывшись с глаз журналиста. Затем выхватил телефон и на ходу написал сообщение Кевину: «Забери меня у чёрного входа». Не хватало ещё обсуждать случившееся с сотрудниками музея, с волнением смотревшими мне вслед. Меньше всего хотелось сейчас вообще с кем-либо говорить. В этой ситуации общение с Кевином по эсэмэс показалось мне подарком небес. Впервые я был рад, что мы с ним не слишком сблизились и мне не придётся пересказывать ему все детали столкновения.

Я прошел вперёд и ещё раз завернул за угол, но тут услышал голос администратора музея: «Мистер Хитклиф, постойте!» — и ринулся к чёрному входу. Он располагался с другой стороны здания, и я надеялся, что Кевин знает об этом. Мне не улыбалось ещё раз столкнуться с папарацци и тем более выслушивать его гнусные вопросы и утверждения.

«Моя мама заболела и умерла. Её никто не заразил», — повторял я про себя, как мантру, пока, словно обезумевший, бежал вперёд.

Я чуть было не врезался в железную дверь, в последний момент опомнился и остановился, пытаясь отдышаться. Казалось, что за мной гонятся, но это был только стук моего испуганного сердца. Я дышал так, словно у меня чёртова бронхиальная астма и сейчас я отброшу коньки.

Толкнув дверь (на случай чрезвычайных ситуаций они открывались только наружу), я очутился на улице. Было темно и тихо. Справа находились мусорные контейнеры, слева — пустая дорога, ведущая к проезжей части. Там, где-то вдалеке, люди шли с работы, стояла моя машина и поджидал тот самый журналист.

Я замер в дверном проёме, сомневаясь, выйти мне или нет. Если закрою дверь — потеряю возможность вернуться в безопасный музей. Будет только один выход — к главной дороге.

Я получил сообщение от Кевина: «Подъезжаю» — и медленно пошёл к дороге. Кажется, интуиция меня не подвела: я знал, что папарацци не сдадутся так просто. Сзади послышался шум, за мусорными контейнерами кто-то был.

— Мистер Хитклиф, меня зовут Фрэдди, я из «Дэйли Ньюс Ромус», хочу задать вам несколько вопросов.

Я опомниться не успел, как он крепко схватил меня за руку. Я закричал и, кажется, стал биться в истерике. Сейчас я понимаю, что выглядел, мягко говоря, так, будто у меня начался припадок. Возможно, мне стоило обратиться к психиатру после всего произошедшего. Кажется, мои крики напугали даже журналиста. Он отпустил меня, но продолжал что-то говорить и вытащил из кармана куртки диктофон.

— Мистер Хитклиф, я…

— А-А-А! — Я правда орал так, словно надеялся, что все сбегутся сюда и спасут меня. Может, кто-нибудь сообразит вызвать полицию.

И тут кто-то на велосипеде врезался в Фрэдди и сбил его — я ошарашенно заткнулся. Журналист с грохотом рухнул на асфальт. Диктофон выпал из его рук. Парень, мой ровесник, отбросил велосипед и со всей силы пнул диктофон в стену.

— Сукин сын! — прокричал Фрэдди и подполз к остаткам диктофона. Возможно, это была и правда ценная для него вещь, раз он принялся с осторожностью собирать обломки.

— Простите, мистер. Я вас не заметил. Пришлите мне счёт, я возмещу ущерб. — Парень действительно выглядел виноватым. Я даже на секунду поверил в его представление. Он повернулся ко мне: — Чего встал как вкопанный? Бежим.

Незнакомец подтолкнул меня в сторону главной дороги, и мы вместе понеслись вперед, как будто Фрэдди мог погнаться следом.

Когда мы выбежали из переулка, Кевин на машине резко затормозил прямо перед нами. Я, наверное, никогда так не был рад ему, как сейчас. Он посмотрел на уже успевшего подняться на ноги и держащего в руках обломки диктофона журналиста, затем на нас и проговорил: «Залезайте, живо».

— Мой велосипед…

— Я попрошу охранника музея подержать его у себя, — перебил его Кевин. Я первым ринулся в тёплый салон автомобиля. Оглянувшись, заметил, как мой спаситель мнётся и смотрит то на свой велосипед, то на меня.

— Вы же не повезёте меня в полицию? — с подозрением произнёс парень, обращаясь к водителю.

— Что? Нет! Я отвезу тебя к нам. Ты спас господина Готье. Ты заслужил по меньшей мере ужин.

Парень ещё раз взглянул на меня, как бы оценивая, можно ли нам доверять. Честно говоря, у меня были нехорошие мыслишки бросить его тут и мчаться домой. Так и подмывало попросить Кевина захлопнуть дверь и гнать изо всех сил. Оглядываясь на Фрэдди, который громко ругался и пытался починить диктофон, я решил ускорить процесс.

— Сядь, пожалуйста. — Голос предательски дрогнул. Я тут же залился краской и отвернулся.

Хотелось верить, что я не выглядел уж слишком жалким.

«Да что ты, Готи! Ты был как побитый щенок, которого оставили под дождём на улице. Моё сердце не могло устоять. Я же не железный!»

«Заткнись. Просто замолчи».

В машине, успокоившись, я радовался, что мы покинули этот злосчастный музей. И тут до меня — не сразу — дошло: мы везём кого-то к себе домой. Я, не поворачиваясь, тихо произнёс:

— Меня зовут Готье Хитклиф, я чистокровный. — Впервые полукровка ехал со мной на заднем сиденье.

— Скэриэл Лоу. Полукровка. — Он улыбнулся (я это увидел боковым зрением) и затем обратился к Кевину: — А мы точно не в полицию? Я только переехал, и мне неприятности не нужны.

В этот вечер дома оставалась только прислуга. Я ужинал со Скэриэлом в большой столовой, и это был самый неловкий наш вечер. Мы не знали, о чём говорить, каждый уткнулся в свою тарелку, слышалось только тихое позвякивание столовых приборов.

«Конечно, было неловко. Я думал, что наложу кирпичей. Я впервые оказался в доме чистокровных и тем более ел с чистокровкой за одним столом!»

Я попросил Кевина ничего не рассказывать отцу. Мне вообще не хотелось вспоминать этот инцидент. Тот охотно согласился. Ему тоже не нужны были проблемы, ведь из-за этого он мог лишиться работы.

С того дня мы сдружились. Инициатором всех наших встреч всегда был Скэриэл. Он не боялся завалиться в мою комнату через окно, стоило отцу и брату уйти из дома. В первое время я опасался его, не знал,

о чём с ним разговаривать, но вскоре оказалось, что нам комфортно вместе, неважно, общаемся мы или молчим. Впервые я понял, что такое радость от того, что кто-то жаждет со мной встретиться и просто поболтать.

Когда дружба со Скэриэлом стала заметна всем домочадцам, мне пришлось сказать, что я познакомился с ним в библиотеке, когда готовился к защите проекта в лицее.

Скэриэлу эта легенда особенно пришлась по душе: «Ага, с моим внешним видом я мог в библиотеке только дурь толкать» и «Ну, не знаю, Готи, твои родные поверят в эту брехню, только если они совсем отбитые».

К счастью или нет, мои родные были вполне адекватные и поэтому, когда я рассказал легенду о знакомстве со Скэром, Габриэлла громко рассмеялась, словно я выдал остроумную шутку. Отец выглядел недовольным, когда услышал, что Скэриэл Лоу — полукровка. И, говоря «недовольный», я имею в виду, что он мог в ту же минуту вызвать всю семейку Лоу на допрос с пристрастием. А Гедеон впервые пристально посмотрел на меня. «Да ты рехнулся?» — крупными буквами читалось на его лице.

Скажу только, что я бы не удивился, узнав, что в тот день отец достал своё завещание из сейфа и переписал всё моё наследство на Гедеона и Габриэллу.

III

Вернувшись вечером из лицея, я был так вымотан, что меня хватило только на то, чтобы сходить в душ и сразу завалиться спать. В последние дни из-за учёбы не оставалось времени на полноценный сон. Я был таким уставшим, что не услышал, как к дому подъехала машина. Мои окна выходят во двор, и я узнаю о возвращении отца, брата или сестры до того, как они входят в гостиную. Поэтому, когда в дверь постучала Лора и сказала, что внизу меня ждёт мистер Вотермил, спросонья я даже не сообразил, о чём она. Отца не было дома, поэтому мистеру Вотермилу приезжать не было необходимости. Я перевернулся на другой бок и погрузился в сон. Не знаю, сколько я так спал, и спал ли вообще, прежде чем Лора снова постучала и повторила свои слова.

Поднялся я как в тумане, сонно натянул попавшиеся под руку вещи — с детства не любил пижамы, поэтому спал в нижнем белье, и поначалу Скэриэл ставил меня в неловкое положение, врываясь по ночам — и спустился в гостиную. Каково было моё удивление, когда я увидел Оскара.

— Привет, Готье, ты спал? — Это не звучало насмешливо, скорее, он удивился, что кто-то действительно спит в семь часов вечера.

— Эм… — Я неловко почесал шею и стряхнул последние крупицы сна. — Привет. Гедеон не дома и…

— Знаю. Я пришёл к тебе, — перебил Оскар.

Я посмотрел на него, как, возможно, смотрел на меня брат, когда я впервые рассказал ему о Скэриэле. Оскар рассмеялся, увидев моё озадаченное лицо.

— Я проголодался, проезжал мимо и решил пригласить тебя в ресторан. — Он произнёс это так просто, как будто мы часто устраивали с ним ресторанные посиделки. Да мы даже наедине редко оставались.

Наверное, моё лицо выглядело настолько изумлённым, словно он предложил мне не в ресторан сходить, а бросить лицей и рвануть с ним в Лас-Вегас.

— Ну… ты мне как младший брат. — Теперь неловко стало ему. От моего взгляда он растерял весь запал. — Да ладно! Будет весело.

«Ты мне как младший брат». Если он хочет стать для меня вторым Гедеоном, то пусть сразу бросает это дело. Ещё одного старшего брата я не переживу и утоплюсь в ближайшем пруду. Возможно, в этом кроется причина, почему отец в своё время отказался от устройства домашнего пруда на заднем дворе. У этой семьи слишком много поводов захотеть посидеть на дне водоёма.

В силу воспитания мне было трудно говорить «нет», особенно когда меня заставали врасплох. Немного помолчав, я кивнул, сказал, что сейчас переоденусь, и поднялся в свою комнату. И опять началось моё любимое растягивание времени: я нехотя натяги-

вал брюки и рубашку, причёсывался и долго рассматривал себя в зеркале в надежде, что гость передумает и уйдёт.

Когда я спустился к Оскару, тот пил чай и флиртовал с пунцовой Лорой. Мне даже стало её жаль — мысленно я отругал себя за медлительность, из-за которой горничной пришлось слишком долго находиться в компании Оскара. Он был известным дамским угодником. Что у него действительно хорошо получалось, так это охмурять девушек и выпивать.

Когда вошла Сильвия, Лора облегчённо вздохнула и торопливо покинула комнату. Было видно, что Сильвии не нравился Оскар, но она улыбалась ему, как того требовали приличия. Уверен, что, как только за нами закроется дверь, она помчится докладывать отцу по телефону. Когда ещё к нам наведывался младший Вотермил, да ещё не к Гедеону, а ко мне?

— Готов? — Оскар поставил чашку на журнальный столик и поднялся. Они с Гедеоном учились на четвёртом курсе академии, оба высокие, но Оскар крупнее. Он был похож на огромного гризли, сумевшего натянуть на себя рубашку.

Мне хотелось выть, как только я представлял себе, что придётся потратить вечер на Оскара. Одно дело — проводить время с ним, с Гедеоном и ещё десятком приглашённых: я мог ответить на пару вопросов Оскара и с чувством выполненного долга отойти от гостей, постоять в сторонке, вернуться через полчаса, изобразить общительного подростка, поддержать короткую светскую беседу: «Готье, как вам лицей?» — «Эм… Замечательное место»; «Когда мы в последний раз виделись, Готье, вы были таким малышом, а теперь ка-

ким выросли красавцем!» — «Спасибо, тётушка, вы тоже… хм… хорошо выглядите», — и снова отойти, чтобы перевести дух. Но теперь такое не прокатит.

Оскар сам вёл машину, и я очень этому обрадовался. Ему нужно было сосредоточиться на дороге, поэтому он тоже молчал и, кажется, выглядел уже не таким уверенным, как полчаса назад. Я сидел рядом на пассажирском сиденье, это было в новинку для меня. Обычно моё место всегда было позади, Кевин никогда не предлагал сесть вперёд, да и я даже не думал о таком. Гедеон меня никуда не возил (возможно, это и к счастью, сколько мы с ним смогли избежать потенциальных автокатастроф), да и с отцом я ездил на своём привычном месте.

Я практически никуда не выезжал, ничем интересным не занимался, а мои увлечения можно было пересчитать по пальцам: стараться не попадаться на глаза брату, тянуть с выполнением домашнего задания и молчать. О, в молчании я был силён. Можно сказать, что я мог получить чёрный пояс в этой дисциплине.

В доме мне удавалось без стеснения общаться только с Габи. В тоскливые времена я на свой страх и риск приходил в комнату к сестре, усаживался на её кровати и выслушивал целый ворох детских проблем.

— Анна сказала, что на свой день рождения пригласит всех девочек из нашей балетной группы. Я не хочу этого. Там будет Кристин, я с ней не дружу. И она противная. Всегда показывает мне язык, когда мадам Ли не видит. — Габи переодевала своих кукол и расставляла их в только ей одной понятном порядке.

— Так покажи ей в ответ. — Я часто слушал её вполуха.

— А я показала, и меня увидела мадам Ли. — Габи подошла ближе и перешла на шёпот. — Она выгнала меня из класса и сказала, что хорошие девочки так себя не ведут. Но не я первая начала! Я чуть не расплакалась тогда.

Габи шмыгнула носом. Ещё чуть-чуть, и она действительно бы разревелась в подтверждение своих слов.

— И почему не расплакалась? — Я сонно зевнул и улёгся на её кровать, попутно стаскивая обувь.

— Потому что не хочу, чтобы Кристин видела, что я плачу. Я с ней не дружу. Когда её нет, Анна и Мариса со мной всё время болтают, но стоит Кристин прийти, и они сразу идут к ней. — Габи вернулась к своим куклам, словно не планировала сейчас разразиться водопадом слёз при воспоминании о том дне.

— Почему? — почти засыпал я, но всё же пытался поддержать беседу.

— Потому что она обещает им первые места на детские постановки. Её мама главная в детском театре. И знаешь, что?

— М?

— Ноги моей не будет в театре её мамы. И ты тоже не ходи.

— Куда? — становилось сложнее следить за нитью разговора.

— На постановки её мамы. В детский театр. Я ещё Гедеона попрошу, чтобы он не покупал у неё билеты. — Габи произнесла это с такой хитрой ухмылочкой, как будто задумала по меньшей мере повторно устроить Французскую революцию.

— А ты пообещай Анне и Марисе, ну, я даже не знаю, открыть выгодные вклады в банке отца с высокой процентной ставкой…

— Что?

Оскар тронул меня за плечо и окликнул ещё раз.

— Ты заснул? — Он рассмеялся и продолжил: — Не думал, что я такой скучный.

Мы всё ещё ехали. Когда я проверил часы, то понял, что отключился на добрых пятнадцать минут.

— Прости. Я просто очень устал за неделю.

— Неудивительно, я помню, как учился в лицее и практически не спал.

Я чуть не рассмеялся ему в лицо. Если Оскар и не спал во время учёбы в лицее, то только потому, что ночи напролёт ходил по вечеринкам и напивался до беспамятства. Я помню большой скандал, когда им было по шестнадцать лет, и Оскар, будучи пьяным, приехал в наш дом среди ночи (надеюсь, Скэриэл никогда не додумается до подобного) и выкрикивал имя Гедеона. Как оказалось, с увеличением концентрации спирта в крови Оскар потерял последние крупицы разума: он встал (скорее, покачивался) не с той стороны дома и десять минут вопил в мои окна что-то про то, что Гедеон не прав и должен дать Оскару возможность объясниться. Узнав об этом, мистер Вотермил прислал своих людей забрать невменяемого сына и потом долго извинялся за него перед моим отцом.

Как-то я застал их за разговором:

— Уилл, я правда не знаю, что на него нашло. Никогда он так себя не вёл. Да, бывало, пил, брал бутылочку-другую из моих запасов, но подростки все такие, дай им только добраться до запретного.

— Забудь, это уже в прошлом. Наши сыновья снова помирятся и будут дружить, как раньше.

Вот только всё вышло наоборот. Гедеон не только не простил Оскара за пьяную выходку, но и окончательно перестал с ним общаться. Каждое мероприятие, где собирались друзья нашей семьи, превращалось для Гедеона в сплошную пытку. Он не показывал открыто своё отношение, но я видел, как ему нелегко поддерживать беседу с Бернардом Доном, Леоном Кагером и близнецами Брум, Оливером и Оливией, когда на заднем плане маячил Оскар.

К третьему курсу Академии Святых и Великих Оскар стал разгильдяем: учился плохо, прогуливал и пил не просыхая. Мистер Вотермил нанял целый штаб людей, которые занимались тем, что искали и забирали Оскара с вечеринок: от масштабных и дорогих, устроенных чистокровными, до маленьких сборищ низших на Запретных землях. В перерывах между подростковыми запоями Оскар выглядел вполне успешным представителем чистокровной семьи. Он много общался на банкетах и мероприятиях, был дружелюбным и не оставлял попыток заговорить с Гедеоном.

— Это одно из моих любимых мест, — проговорил Оскар, когда мы уселись за дальний столик. Это оказался рыбный ресторан; мы проехали весь город и очутились у причала. Нам открылся потрясающий вид из окна. Я бы хотел сесть поближе к окнам, но все столики уже были заняты. Мы ушли далеко в зал, в такое тёмное место, где ничего не стоило подвернуть ногу, упасть, и тебя бы не заметили. Подошедший официант спросил, нужно ли зажечь свечи (всё это выглядело так, будто Оскар собирался сделать серьёзный шаг в наших отношениях; мне захотелось сию же минуту встать и выбежать из заведения), но,

слава богу, Оскар просто попросил сделать поярче свет в настенных светильниках. Я впервые был здесь и затруднялся с выбором блюд, поэтому за меня это сделал Оскар.

— Гедеон не слишком любезен с тобой, — произнёс он, когда официант, получив заказ, принёс напитки и отошёл на безопасное расстояние. Я аж поперхнулся водой от неожиданности. Вотермил протянул мне салфетки. Если бы он не был зависим от алкоголя и больше времени уделял учёбе, возможно, он вполне мог стать хорошим другом. И, может быть, даже братом.

Но Гедеон… Гедеон любезен со мной ровно настолько, насколько мясник любезен с телёнком, идущим на убой.

— Ну… — Мне вдруг захотелось защитить наши отношения с братом, но я не знал, как лучше это сделать. — Иногда он добр.

Например, на днях он очень разозлился (когда узнал от Сильвии, что Скэриэл был у меня ночью), но сдержался и даже не разнёс ни одной комнаты. Его гнев вылился в громкий хлопок дверью перед моим носом, когда, проходя мимо него, я, сглупив, пожелал ему доброй ночи. Конечно, зря я это. Нужно было просто отсидеться в своей комнате.

— Готье, я бы не спрашивал, не будь мы так близки, — Оскар выглядел нервным, будто сам не верил в свои слова, — но ты уже выбрал себе наставника? Знаю, что ещё очень рано и впереди целый год до поступления…

Вот ради чего было устроено всё это представление: Оскар хотел стать моим наставником и с моей

помощью заработать баллы. Я испытывал двоякие чувства. С одной стороны, я догадывался, что ему что-то от меня нужно. С другой, я расстроился и не мог объяснить себе, почему, ведь для меня Оскар был просто бывшим другом Гедеона. Мне вдруг захотелось встать, жёстко отказать ему и уйти.

— Я… — «скажи, что выбрал брата, скажи, что выбрал брата», — ещё не решил.

Меньше всего мне хотелось терпеть общество Оскара Вотермила первый год в Академии и тащить на своём горбу его оценки. Но ещё меньше хотелось соврать про Гедеона и потом ощутить на себе гнев брата, когда ложь вскроется. Врал я ещё хуже, чем общался с людьми.

— Подумай насчёт меня, договорились, дружище? — Это были его последние слова перед тем, как нам принесли заказ.

Оставшееся время мы провели, наслаждаясь едой. Я даже не сразу понял, как был голоден до этого. Если забыть о предложении Оскара, то наша дальнейшая беседа — мы действительно поговорили, и я даже получил от этого удовольствие — вышла довольно интересной. Оскар рассказывал смешные истории из своего детства: как он пытался обдурить гувернёра, когда не хотел делать уроки, и симулировал боли в животе, но гувернёр был не робкого десятка, имел медицинское образование и в качестве наказания использовал клизму. Я посмотрел на Оскара другими глазами. Он оказался весёлым, остроумным, хорошо ко мне относился с самого детства, и при других обстоятельствах мы могли стать чуть ли не лучшими друзьями. Но Гедеон этого не допустит.

Я вышел в уборную, когда Оскар оплачивал счёт — было неловко позволять ему это делать, но мне не пришло в голову захватить наличные; единственное, что я имел при себе, это мобильный телефон, который держался на добром слове с двадцатью процентами заряда. Чуть раньше я попытался заговорить о раздельном счёте, но Оскар прыснул от смеха.

— Не обижай меня так, Готье, — добродушно проговорил он. — Я тебя пригласил, мне и платить.

«Мы с Оскаром в ресторане. Ничего не спрашивай. Расскажу при встрече», — написал я Скэриэлу. Мы много общались по телефону, но когда он уезжал надолго, то редко отвечал. «Я там сдаю контрольные, школа выносит мне мозги, не мог ответить тебе», — оправдывался Лоу.

Вернувшись, я увидел, как Оскар закончил телефонный разговор. Он вдруг сделался очень нервным, поднялся, когда я не спеша подошёл к столику, и испуганно взглянул на меня. Выглядел он при этом так, словно на секунду забыл, что приехал со мной. Я пытался представить, что ему там могли сообщить, раз это на него так подействовало. Возможно, кто-то из его близких попал в беду?

— Мне нужно кое-куда заехать, — проговорил Оскар торопливо. — Совсем вылетело из головы. — Он театрально ударил себя по лбу. — Не успею тебя подбросить домой.

Я опешил. Что такого случилось, что он вдруг решил меня бросить в этом ресторане? Я надеялся, что он позволит мне вызвать Кевина или даст деньги на такси до дома. Но у Оскара было другое предложение.

— Не хочешь заехать со мной в одно место? Мы быстро. Туда и обратно. Я не хочу, чтобы ты один поехал домой, всё же я взял тебя под свою ответственность.

«Оскар» и «ответственность» звучали вместе так же нелепо, как «Гедеон» и «дружелюбие».

Я засомневался.

— Обещаю, это не займёт много времени.

Мне совсем не понравилось, с каким напором говорил Оскар. Он выглядел так, словно уже всё решил вне зависимости от моего ответа. Мне ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Хотя я уже понимал, что пожалею.

— Нам нужны маски и капюшоны. — Оскар позвал официанта и что-то шепнул ему на ухо. Официант посмотрел на меня с недоверием, Оскар ещё раз что-то сказал и протянул деньги.

Когда официант нас спешно покинул, Оскар повернулся ко мне.

— В том месте, куда мы поедем, лучше не палиться. Нам нужно спрятать наш цвет волос. И лица.

Цвет волос? Я нахмурился, на что Оскар игриво потрепал меня по макушке. Все чистокровные имели светлый цвет волос. От пшеничного до серебристо-серого. Это внешне отличало нас от полукровок и низших, волосы которых имели разные оттенки (они могли быть рыжими, шатенами, брюнетами). Я никогда не думал, что мои светлые волосы могут стать проблемой и мне придётся их скрывать.

До меня только дошло, что Оскар планирует отправиться в такие места, где наше появление может повлечь неприятности.

Запретные земли.

Если отец или брат узнают, что сегодня я посещу Запретные земли, домой можно уже не возвращаться. Я не знал, как быть: отказаться и вызвать Кевина? Не будет ли это выглядеть как трусливый побег? Я не хотел казаться испуганным ребёнком, которым на деле и являлся. Пока меня терзали сомнения, официант пригласил нас в другую комнату, намного меньше обеденного зала. У меня мурашки пробежали по коже, а увидев на диване два чёрных плаща с капюшонами и маски в виде волчьей и лисьей пасти, я испугался не на шутку. Оскар заплатил ещё раз. Тот самый официант, что принимал наш заказ, аккуратно сложил плащи и маски в бумажный пакет и передал Вотермилу.

Когда я очутился на улице и вдохнул свежий прибрежный воздух, мне полегчало. Вдруг происходящее показалось какой-то неудачной игрой. Я тщательно протёр глаза, надеясь, что последние десять минут мне привиделись, но, когда снова увидел плотный бумажный пакет в руках Оскара, осознал неизбежное. Оскар был серьёзен как никогда. И он собрался повести меня на Запретные земли.

IV

За окном окончательно стемнело, когда мы пересекли границу и очутились на Запретных землях. Пограничники контрольно-пропускного поста даже не остановили нас, завидев номерные знаки автомобиля и Оскара за рулём. Запретные земли находились на юге и состояли из многочисленных низких построек, полуобветшалых зданий, на первый взгляд казавшихся заброшенными, но это было обманчивое впечатление. Здесь отсутствовала какая-либо развитая инфраструктура. Никто не решался что-то строить, потому что существовала большая вероятность того, что уже за первые дни все стройматериалы разворуют. Мы ехали по главной дороге мимо перекошенных домов, лачуг, узеньких улочек, захламлённых и заросших дворов, сменявшихся пятиэтажными мрачными зданиями. Несмотря на бедность и убогость района, на улицах было многолюдно. Прохожие кричали, смеялись, толкали друг друга, пьяные сидели и лежали вдоль дорог. Тут и там я видел маски и капюшоны: чистокровных здесь было больше, чем я мог себе вообразить.

Мне показалось, что я очутился в другом мире. Пёстрая и шумная толпа заполонила всё пространство. Я прилип к окну и не мог оторвать от них взгляда, впервые увидев столько низших и полукровок в одном месте. К моему удивлению, многие из них не выглядели так, как нам показывали по телевизору. Новостные передачи пугали высоким уровнем преступности за пределами Ромуса, транслировали видео, где низшие, словно зомби, бродили по улицам Запретных земель и нападали друг на друга. Полукровки запугивали своих детей: «Если не будешь учиться, закончишь на Запретных землях». Да, локации не изменились, это всё то же место, что и в новостных сводках, но низшие и полукровки, которых я сейчас видел, выглядели весёлыми и беззаботными.

— Приехали, — проговорил Оскар.

Мы провели в напряжённой тишине последние полчаса, и Оскар постоянно следил за мной боковым зрением, как будто боялся, что на светофоре я выскочу из машины. Он припарковался у двухэтажного здания, сплошь покрытого неоновыми вывесками. Оно сияло и мигало как рождественская ёлка в сочельник и сильно выделялось среди неприметных домов. Клуб «Глубокая яма» — прочитал я на вывеске. Впрочем, такое название меня даже не удивило. Честно говоря, я не горел желанием падать в эту яму вслед за Белым Кроликом.

К клубу стекались вереницы людей, как мотыльки на свет. Вход представлял из себя полуподвальные железные двери, охраняемые крупного телосложения полукровками. Я увидел длинную очередь и обомлел. Неужели мы с Оскаром сейчас встанем в конец этой

цепочки? На одно только ожидание в ней можно потратить больше часа!

— Надень. — Он протянул мне лисью маску; она была как настоящая, просто мечта таксидермиста. — И накинь это.

Я натянул маску. В ней было сложно дышать, она сужала боковое зрение, и чувствовал я себя, как будто мы приехали грабить банк отца. Я посмотрел в зеркало заднего вида: маска полностью скрыла моё лицо, в глубине тёмных лисьих глазниц ничего не было видно. Радовало только то, что в этой дыре меня никто бы не узнал. Я пригладил волосы и накинул недлинный чёрный плащ с капюшоном. В таком виде можно колядовать на Хеллоуин. «Сладость или гадость?»

Я никогда не выпрашивал сладости. В наших кругах это не принято. Обычно на Хеллоуин кто-нибудь устраивал большой бал-маскарад, куда все могли прийти в разных костюмах — и тогда детям конфет доставалось вдоволь.

Мы вышли из машины и, к моему облегчению, пошли в противоположную от очереди сторону. Оскар в волчьей маске выглядел устрашающе. Просто волк-переросток.

— Ты здесь никогда не был, верно?

— Ага. — Места, которые я посещал, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

— Обещаю, что будет весело, если ты запомнишь пару правил: ничего не брать у других, ничего не пить из чужих рук, будь то алкоголь или вода. Запомнил?

— Да, — кивнул я, но Оскар на меня не смотрел. Мы обходили клуб с другой стороны. — Что мы будем делать здесь?

— Мне нужно кое с кем встретиться, но в этом нет ничего незаконного. — Он обернулся ко мне. — Этот человек не любит центр города. Держись рядом со мной и ни с кем не болтай.

— Знаешь, я мог бы посидеть в машине… — Я прикусил язык. Прозвучало трусливо.

— Да, мог бы, но веселее будет пойти со мной. — Оскар рассмеялся и похлопал меня по плечу. Я чуть не выплюнул лёгкие от его удара. — Просто держись рядом, и всё останется под контролем.

По голосу было понятно, что он улыбается, но за волчьей пастью ничего не разглядишь. Мимо нас блуждали низшие: парни в лохмотьях, с копнами тёмных сальных волос и чумазыми лицами; девушки в короткой одежде, с распущенными волосами и броским макияжем.

Чистокровные девушки из моего окружения делали вычурные причёски с многочисленными украшениями, сложными конструкциями, которые, в моём понимании, не поддавались законам физики. Я не имел ни малейшего представления, как они создаются. Некоторые причёски одноклассниц выглядели просто, но я догадывался, что за этим стоял двухчасовой труд их горничных. Обманчивая простота обескураживала.

В моём классе учились близнецы Брум — Оливер и Оливия. В Оливию были влюблены многие парни из выпускных классов (не буду утаивать, нравилась она и мне), но Оливия никому не отвечала взаимностью, предпочитая общество своего брата. Я не знал, кто первым пустил омерзительные слухи, быть может, очередной отвергнутый поклонник или кто-то из девчонок в отместку за её популярность, но вскоре

близнецов начали подозревать в инцесте. Конечно, я считал эти слухи абсурдными.

В обычные дни Оливия приходила с простыми и аккуратными причёсками, но по праздникам её волосы украшали ленточки, цветы, заколки в виде птиц и бабочек. Это выглядело завораживающе. Оливия походила на нимфу: прекрасная, утончённая и недоступная.

Полукровки, работавшие в Ромусе, для удобства заплетали косу или делали пучок. Я видел пару раз маму и Габи с распущенными волосами, но они были частью моей семьи, и я воспринимал это как должное.

Кажется, я остановился и засмотрелся на низшую — девушку с длинными тёмными волосами, — но Оскар остановился следом и окликнул меня. Он подошёл и торопливо проговорил:

— Не отключайся, Готье. Всегда будь начеку. И самое главное — никому не позволяй стянуть с тебя маску.

— И капюшон?

— Бог с ним, с капюшоном. Надев это, ты уже подтвердил, что не из низших, а значит, у тебя есть деньги. Здесь отдыхает много чистокровных октавианцев. Если спадёт капюшон, просто быстро поправь. Но крепко следи за маской. Какой-нибудь пройдоха-низший или полукровка может сфотографировать твоё лицо и затем шантажировать тебя. — Оскар давал советы, как опытный завсегдатай этого клуба.

— Я понял.

Мы очутились у ещё одной двери. Громила-полукровка подозрительно осмотрел нас. Оскар, не пересчитывая, отдал ему деньги. Громила убрал их в карман, затем Оскар протянул руку и получил яркую

печать на запястье. Получив свою, я последовал за Вотермилом в глубь «Ямы».

Проведя пальцами, я смазал эмблему клуба. Яркая краска осталась на руках.

— Печать легко стирается, это чтобы обезопасить нас, — пояснил Оскар.

Мои заблуждения о Запретных землях рассеивались с космической скоростью. Я всегда считал, что клубы усиленно следят за соблюдением возрастных ограничений. По крайней мере, в центре я не мог попасть в элитные клубы, пока мне не исполнится девятнадцать лет. Но тут было раздолье для малолетних правонарушителей вроде меня.

Ещё на подходе к «Яме» были слышны музыкальные биты. У клуба многие танцевали, музыка гремела так громко, что земля будто вибрировала в такт. Оказавшись внутри, я чуть не оглох. Лучи света, как лазерные мечи, рассекали тьму. Было жарко, душно и шумно. Оскар, шедший впереди, оглянулся на меня и показал большой палец: «Всё в порядке». Нет, ничего не в порядке. Я чувствовал себя в этом лисьем костюме как космонавт в скафандре. Просто Нил Армстронг, ступивший на Луну. Или Готье Хитклиф, впервые очутившийся в клубе.

Когда я думал, что отстоять очередь у входа в «Яму» — то ещё испытание, я просто не видел людей, плотным кольцом окружавших бар. И, конечно, Оскар шёл прямо туда. Вотермила ничто не остановит на пути к алкоголю. Он пробирался сквозь толпу медленно, но упорно, как ледокол разрезает лёд.

— Привет, милый, — начала красивая полукровка на моём пути. Она была чуть выше меня. — Не хочешь повеселиться?

Она говорила громко, пытаясь перекричать шум, но остальные слова потонули в грохоте. Я сделал вид, что не расслышал её (что было почти правдой), и последовал за Оскаром. Не хотелось отстать и затеряться в толпе.

Пока мы пробирались к бару, меня успело облапать человек десять. Я чувствовал прикосновения везде, куда можно было дотянуться. Это было отвратительно. Я отбивался от чужих рук, когда мог, но большую часть времени просто надеялся на то, что меня не обчистят; в кармане брюк находился телефон — единственное, чем я мог похвастаться сегодня. Полусдохший мобильный поддерживал ощущение, что ещё есть тонкая ниточка, соединяющая меня, на случай чрезвычайного происшествия, с привычным миром. Если я потеряю Оскара, нужно будет самостоятельно выбраться из «Ямы», позвонить Кевину и попросить его забрать меня домой.

«Представляю лицо Скэриэла, когда расскажу ему, где я был сегодня вечером». — Эта мысль заставила меня ухмыльнуться. Хоть что-то, что я мог поведать о своих буднях, помимо скучных историй о лицее.

Мне было сложно дышать, я не понимал, связано ли это с неудобной маской или с тем, что каждый второй в клубе курил. Густой сигаретный дым обволакивал, словно кокон. Такое чувство, что я мог к нему прикоснуться. От обилия дыма запершило в горле. Я попытался откашляться, но это не помогло.

Когда мы добрались до бара, всё, чего я хотел, это воды.

— Привет, Джеймс, мне сухой мартини и… — Оскар повернулся ко мне, затем снова к бармену и рассмеялся, — и бутылочку воды.

Я приподнял маску и опустошил бутылку в один заход, отчего мне полегчало. Оскар выпил свой коктейль и вернул пустой бокал с оливками бармену.

— Повтори. — Он заказал ещё один коктейль.

Я с ужасом представил, что Оскар скоро напьётся и станет неуправляемым, и не знал, как его остановить.

— Где твой друг? — Мне хотелось, чтобы он быстрее решил свои дела и мы вернулись домой. И я уже планировал вызвать такси, потому что садиться в машину с выпившим Вотермилом за рулём — всё равно что играть в русскую рулетку.

— Где-то здесь. — Оскар взмахнул рукой, обводя жестом весь клуб. — Смотри, какие девочки.

Он указал на девушек, извивавшихся в танце у шестов. Я не заметил их, когда вошёл в «Яму», но теперь понял, что большая часть посетителей окружала небольшие танцполы, стоящие на возвышении. Пьяные мужчины размахивали купюрами, кто-то умудрился кинуть на танцпол кредитную карту.

— Гедеон тебя сюда никогда не притащит. — Оскар по-братски приобнял меня. — Наслаждайся видом. Если хочешь, могу купить тебе приватный танец.

— Нет, спасибо, — опешил я от его щедрого предложения. Кажется, ситуация выходила из-под контроля.

В этот неловкий момент (неловко было только мне, Оскар последовал своему совету и наслаждался девушками) Вотермилу на мобильный телефон пришло эсэмэс. Он быстро прочитал, убрал телефон и повернулся ко мне.

— Посиди здесь, хорошо? Я быстро. Туда и обратно, обещаю. Сиди здесь, пей воду, или хочешь сок? —

Я выбрал второе, и Оскар обратился к бармену. — Дай сок, апельсиновый подойдёт. — Он снова повернулся ко мне. — Ты ведь пьёшь апельсиновый сок?

Я кивнул. Оскар оплатил заказ и протянул мне высокий стакан с ядрёно-жёлтым содержимым.

— Помнишь мои слова перед клубом? Ни у кого ничего не пей, не бери и не принимай.

Оскар поправил маску и ринулся в толпу. Через пару секунд я потерял его из виду.

— В первый раз тут? — участливо спросил бармен, кажется, его звали Джеймс, полукровка; он искренне улыбался мне, попутно готовя коктейль.

— Ну да… — Я надеялся, что он не спросит про мой возраст.

Но Джеймс только подмигнул мне и отошёл к другому концу барной стойки, куда его позвал очередной посетитель.

Теперь я окончательно ощутил себя не в своей тарелке. Рядом с Оскаром я не чувствовал себя так паршиво, но стоило ему уйти, как я понял, что чертовски не хочу здесь находиться. Я отпил пару глотков сока и принялся делать единственное, что мог в этой ситуации, — наблюдать за другими. Первые десять минут я не отлипал взглядом от девушек на танцполе и даже решился попросить у Оскара приватный танец. В последующие двадцать минут я чётко осознал, что Вотермил меня кинул. Я даже не знал номера его телефона, чтобы позвонить и напомнить о себе. Это было беспечно с моей стороны с самого начала. Следовало ещё у ресторана закончить встречу и отправиться домой.

— Привет, красавчик, скучаем? — Та самая брюнетка, что пыталась заговорить со мной в толпе, уселась рядом.

— Да нет, я просто друга жду. — Я огляделся, Вотермила нигде не было видно.

— А где твой друг?

— Скоро придёт.

— Не хочешь угостить девушку? — Она флиртовала, а я сгорал от стыда. У меня не было ни гроша.

— Прости, я забыл кошелёк…

— Ничего, красавчик. Ты не местный?

— Живу в центре, — ответил я и прикусил язык. Мне показалось, что это не та информация, которую следует тут сообщать.

— А, так ты, возможно, чистокровный. Могу тебя развлечь, если хочешь. — Она наклонилась ниже, и я увидел её глубокое декольте «из первых рядов». — Тут есть приватные комнаты.

Когда лёгкое головокружение прошло (я ещё никогда не видел столько обнажённого женского тела, как сегодня) и я заставил свою голову работать, то представил себе, на сколько лет её могут посадить за моё растление. Мне не хотелось её подставлять. Возможно, она правда и не догадывалась, что мне всего шестнадцать. Маска и капюшон скрывали внешность, а охранник и бармен не спрашивали мои документы.

Пока я обдумывал всё это, моя собеседница успела заказать и получить коктейль, посыпанный кокосовой стружкой. Она подняла свой бокал.

— За встречу, милый.

Я поднял свой стакан с соком. Мы выпили.

Билли, так звали девушку, болтала о всякой ерунде, при этом нежно гладила меня по коленке. Я не сразу заметил, что с моим организмом стало что-то происходить. Перед глазами поплыло. Билли показалась

мне такой замечательной и доброй. Музыка уже не долбила по ушам, как прежде. Готов был поклясться, что видел, как дрожат стены. Я начал улыбаться, хотя за маской этого не было видно. Мои движения стали плавными, медленными. Я поднял руку и повертел ею. Она была такой лёгкой, словно не моя. Билли взяла меня за руку и улыбнулась.

— Пойдём со мной. — Её голос был приятным, так что я сразу последовал за ней. Как крысы на зов гамельнского крысолова.

Кто-то толкнул меня, и я чуть не упал, но Билли подхватила меня. Какая она очаровательная. Всегда меня поддержит. А какая у неё мягкая рука. Я шёл за ней и восторгался её волосами. Они были тёмные, волной спадали на плечи. Я дотронулся до них. Она вела меня на второй этаж по широкой металлической лестнице. Тут и там целовались парочки. Клянусь, я видел искры любви над их головами. Мне захотелось поцеловать Билли. Я отбросил капюшон, в нём было жарко. Когда мы поднялись на второй этаж, я снял маску, которая мне уже порядком осточертела.

— Ого, а ты реально симпатичный, — улыбнулась она.

Впервые в жизни девушка сделала мне комплимент. Самая красивая девушка, даже лучше Оливии.

— Как тебя зовут, милый?

— Меня зовут…

— ГОТЬЕ!

Я услышал знакомый голос и обернулся. Парень выше меня, бледный, худой, с копной чёрных волос до плеч, шёл к нам. Его лицо скрывала чёрно-серая маска

птицы с заострённым клювом. Выглядела она устрашающе, как маска чумного доктора в Средневековье.

— Ты кто такая?! — Парень набросился на Билли.

— Я здесь работаю, идиот, — неожиданно огрызнулась та.

— Готье, это я. — Он сбросил маску. — Узнаёшь меня?

Тёмные глаза, подведённые чёрным карандашом, высокий прямой нос и сжатые в тонкую линию губы. Он выглядел недовольным.

— Скэр, — улыбнулся я, отпустил Билли и полез к другу обниматься. — Тебя так долго не было…

— Уходим отсюда. — Он закинул мою руку себе на шею. — Что ты успел принять?

— Ты охренел? — Билли не сдавалась, она толкнула Скэриэла, но тот не обратил внимания. — Отпусти, он со мной. Я сейчас вызову Филла, он тебе жопу надерёт.

— Ты идиотка? Новенькая, что ли? — прошипел в ответ Скэриэл.

— Я тут работаю почти месяц! Этот чистокровный мальчишка — мой клиент!

— Зови Филла, он тебя спустит с этой лестницы и даст пинка под зад из клуба. — Я ещё никогда не видел Лоу таким злым. Мне захотелось отойти от него и пожалеть Билли. Она старалась, работала, а Скэриэл всё испортил.

— Куда собрался, придурок? — спросил он, когда я слабо попытался вывернуться.

— Не ругай её, она не виновата. — Мне хотелось заступиться за девушку, ведь она была так добра ко мне. Она была самой дружелюбной здесь.

— Господи, ну что за тупица. — Вместо того чтобы наброситься с руганью, он улыбнулся и потащил меня вниз. Билли осталась стоять на своём месте, разгневанная, она походила на богиню войны. Я помахал ей рукой.

— Надень. — Он натянул на меня свою маску, ещё более неудобную, чем лисья.

— Не хочу. — Я попытался её убрать. Мне было душно. Я хотел вернуться к Билли и извиниться за поведение Скэриэла.

— Тебя могут узнать, надевай по-хорошему. — Лоу всегда знал, как надавить на меня. — А то я вернусь к той девушке и устрою ей проблемы.

Я обиженно надел маску.

— Хочу домой.

— Без проблем.

На улице у «Ямы» Скэриэл остановил такси и усадил меня на заднее сиденье. Я прислонился к окну, меня захлестнула грусть, словно я покидал прекрасное место. За окном проносились лачуги и трущобы, периодически сменяясь узенькими улочками и низкими зданиями. Скэриэл что-то говорил мне, но я отмахнулся от него. Тело становилось тяжёлым, голова свинцовой. Показалось, что вся печаль мира настигла меня в этом такси. Хотелось спрятаться в какой-нибудь пещере и заснуть навсегда.

Наверное, я отключился в машине, а когда проснулся, то увидел, что нахожусь в чужой комнате. На мне не было рубашки и брюк, и я почувствовал себя героем какой-то молодёжной комедии. Голова трещала, как будто это я вчера выпил несколько порций мартини, а не Оскар.

Оскар!

Он оставил меня у бара и ушёл. Я понятия не имел, где он, да я даже не знал, где нахожусь сам.

Через силу огляделся, голова болела от каждого резкого движения. Из открытого окна пробивались первые солнечные лучи. Светало. Комната была пустой, если не считать шкафа и кровати. Повсюду разбросаны вещи, хозяин этого места точно не славился чистоплотностью.

Поднявшись, я увидел возле кровати на полу свой телефон. Он был разряжен. Бесполезный кусок пластика. Я стянул простыню и накинул её на себя, как древнеримскую тогу.

Дом был абсолютно мне не знаком. Я вышел из комнаты и спустился по лестнице. Ни ковров, ни паласов, ни гобеленов. Встретившиеся мне на пути приоткрытые спальни были пусты, как будто здесь никто не жил. Я вышел к маленькой кухне, которая соединялась с гостиной. За столом сидел Скэриэл, поджав одну ногу, а вторую опустив на соседний стул. В белой футболке и чёрных спортивных штанах, с босыми ногами и взлохмаченными волосами он выглядел так, как будто проснулся пять минут назад. Скэриэл пил кофе, и я учуял этот запах ещё на лестнице. В руках он держал маленькую книгу и с интересом погрузился в неё. Но больше всего меня поразило другое.

— Не знал, что ты куришь.

Он оглянулся на меня, приподнял одну бровь и вернулся к книге.

— А я не знал, что ты любитель косплеить римских императоров. — Он затушил недокуренную сига-

рету; я изобразил гримасу «ха-ха, как смешно» в ответ на замечание о моём внешнем виде. — Не хотел, чтобы кто-то в твоём доме учуял запах от меня.

— С каких это пор ты переживаешь за чужое мнение? — хмыкнул я, прислонившись к стене.

— С тех самых пор, как понял, что все промывают тебе мозги по поводу нашей дружбы, — спокойно произнёс Лоу, не поднимая головы от книги.

Повисло неловкое молчание.

— Мне всё равно.

Скэриэл пожал плечами.

— Что читаешь? — спросил я, чтобы сменить тему.

— «Падение дома Ашеров». Классная вещь. — Скэриэл улыбнулся, показывая мне обложку книги. Готическое оформление, печальная дама у колодца. Эдгар Аллан По.

Я подумал о том, что, если в скором времени не вернусь домой, у меня точно произойдёт «Падение дома Хитклиф».

— Разве ты не против чистокровных писателей? Мне казалось, что ты поддерживаешь только полукровок и низших. — Я помассировал виски, но голова продолжала трещать. — Как там звали твоего бунтаря? Артур Рембо?

— Артюр Рембо! И ты помнишь, он писал шедевры в нашем возрасте, — Скэриэл улыбнулся. — У меня, в отличие от чистокровных, нет предубеждений. А тебе стоит выпить аспирин.

Он поднялся, отложил книгу и достал из холодильника бутылку воды, а из шкафчика лекарство. Я выпил таблетку и поставил стакан на стол. Чувствовал